

А. В. Девятков
Тюменский университет

Приднестровская идентичность: мифы и реальность

Уже со времени возникновения самопровозглашенной Приднестровской Молдавской Республики, как в самом Приднестровье, так и в России, среди экспертов СБСЕ, занимавшихся анализом конфликта, встал вопрос об уникальности Приднестровья и его народа, который смог с оружием в руках отстоять свое право на привычный для него общественно-политический уклад. Однако в 90-е – начало 2000-х гг. обсуждение этой темы в политическом смысле не заходило дальше констатации того факта, что насущной необходимостью является обеспечение безопасных условий жизни для приднестровцев, нормализация отношений с Молдовой, построение с ней интеграционного объединения в виде межгосударственной ассоциации на договорной основе¹.

Совсем иное звучание разговоры о приднестровском «Я» приобрели с активизацией политико-информационного и экономического противостояния двух берегов Днестра, обострившегося в 2001 г. в связи с намерением нового президента Молдовы В. Воронина решить приднестровскую проблему путем разных форм давления на Тирасполь. После провала в ноябре 2003 г. «Меморандума Козака» приднестровские власти в лице И. Смирнова окончательно определяются с политикой по достижению юридического признания ПМР международным сообществом.

В связи с этим, особенно в свете введения в марте 2006 г. нового режима пересечения границы с Украиной для приднестровских экономических агентов, в декабре того же года проводится «референдум», на котором абсолютное большинство (более 97 %) проголосовавших приднестровцев высказалось за независимость и «свободное» присоединение к России. Лозунг о независимости естественным образом приводил к постановке вопроса о том «Кто мы?», о содержании особой приднестровской идентичности.

Во-первых, определимся с тем, каким образом мы можем изучать феномен приднестровской идентичности.

Методологически в исследованиях идентичности существуют два основных подхода в рамках модернистской и постмодернистской парадигмы социально-гуманитарного знания. Первый подход выражает идею о том, что идентичность присуща изучаемому субъекту как неотъемлемая, объективная данность.

Второй подход наиболее полно выражен в теоретических построениях норвежского исследователя И. Нойманна, изучавшего генезис региональной идентичности. Нойманн считает, что для того чтобы понять, кем являются «акторы» (в нашем случае – Приднестровская Молдавская Республика), как они образовались, как они поддерживают свое существование и при каких условиях могут преуспевать, необходимо исходить из тезиса о конструируемости идентичности. При этом коллективные идентичности, по Нойманну, создаются не только воображаемым материалом, из которого состоят, но также и материалом, лежащим вне них – материалом, с которым они имплицитно сравниваются (образ «Других»). В этом случае «Другой» для «Я» обладает статусом онтологической необходимости, между ними существует диалогические отношения. В итоге коллективные идентичности становятся видом производительной силы, структурирующей социальное поле и направляющей действия людей².

Андрей Владимирович Девятков, аспирант и ассистент кафедры новой истории и международных отношений Тюменского государственного университета. Сфера научных интересов – приднестровский конфликт и его урегулирование, международные отношения на постсоветском пространстве. E-mail: meisterandrei@yandex.ru

1. Смирнов И.Н. Жить на нашей земле. Тирасполь: Литер, 2001.

2. Нойманн И. Использование «Другого»: Образы Востока в формировании европейских идентичностей. М.: Новое издательство, 2004.

С первого взгляда два данных подхода являются взаимоисключающими. Однако некоторые исследователи справедливо отмечают, что акторы, конструирующие идентичность, не находятся в социальном вакууме, и их выбор социокультурного «материала» для конструирования ограничен историко-культурными и иными условиями.

С одной стороны, кажется справедливым считать, что в рамках политического проекта под названием «приднестровская идея» реализуются по большей части интересы приднестровской исполнительной власти, представляющей собой т.н. старую гвардию бессменного лидера ПМР И. Смирнова. В своей речи по случаю 15-летия образования ПМР он назвал эту идею основой единства и общественного согласия³. В итоге за счет конструирования идентичности происходит укрепление нынешнего политического режима.

Необходимо учитывать, что «приднестровская идея» как и любой дискурс, подверглась за историю своего существования реинтерпретации. Примерно до референдума 2006 г. она понималась в первую очередь как средство защиты от возобновления агрессии со стороны Молдовы, от ее попыток навязать этнократический и централистский подход к строительству государственности⁴. Образ Другого сыграл важнейшую роль в консолидации Приднестровья на антикишиневской основе, и до сих пор мифы о румынизации в случае объединения с Молдовой являются у пропрезидентских сил главным аргументом против воссоединения.

После же референдума стали говорить об окончательном «выборе народа» как руководстве к действию, о том, что все основания для признания приднестровской независимости существуют, а в результате «блокадных действий» Кишинева вера в возможность строительства общего дома в границах бывшей Молдавской ССР разрушена⁵. То есть в Приднестровье констатировалось наличие общности, обладающей необходимыми параметрами для того, чтобы иметь право на внешнее самоопределение. Однако конкретными аргументами необходимости признания независимости ПМР являлись по-прежнему «действия» Молдовы.

И. Смирнов окончательно поднял идею о приднестровской независимости и идентичности на уровень главного политического лозунга. Это произошло не просто по причине активизации давления на Тирасполь со стороны Кишинева, но и вследствие наличия определенных международно-политических условий. В период с 2001 по 2004 гг. усилилось дипломатическое воздействие на ПМР, прежде всего со стороны России, в сторону варианта воссоединения с Правобережьем. Лидер Приднестровья И. Смирнов никогда не отличался договороспособностью, что особенно проявилось в процессе разработки конкретных договоренностей по итогам подписания Московского меморандума 1997 г., и необходимость договариваться о статусе Приднестровья в составе объединенного государства вряд ли могла показаться ему положительным фактором собственного политического будущего. Таким образом, однозначное стремление к независимости, подкрепленное результатами референдума 2006 г., и наличие такого феномена как приднестровский народ призваны укрепить позиции И. Смирнова в отношениях как с Кишиневом, так и с заинтересованными внешними силами.

Дополнительным основанием рассматривать «приднестровскую идею» как конструируемую в сугубо политических целях служат обстоятельства политической конкуренции в самом Приднестровье. В конце 2005 г. на выборах в законодательный орган ПМР - Верховный Совет победила партия «Обновление» во главе с перспективным молодым политиком Е. Шевчуком, в результате чего в Приднестровье началась борьба за влияние между «Обновлением» и «старой гвардией», которая порой выливается в открытое информационное поле с взаимными нападками и разоблачениями⁶.

«Обновление», как показывают заявления и действия его представителей, является прагматичной политической силой, для которой приднестровская независимость вовсе не представляет собой цели в себе. Е. Шевчук заявляет до сих пор о сохранении обязательств Меморандума 1997 г. об основах нормализации отношений между Республикой Молдова и Приднестровьем относи-

3 Выступление Президента Приднестровской Молдавской Республики Игоря Смирнова на торжественном собрании, посвященном 15-летию образования ПМР // www.olvia.idknet.com/ol05-09-05.htm

4 Бабилунга Н. История ПМР в кратком изложении // Приднестровье в макрорегиональном контексте черноморского побережья. Сб. статей / Под. ред. К. Мацузато, 2008. С. 54.

5 Смирнов И. Вместе с Россией. М., 2007.

6 Патриотическая партия Приднестровья готова подать в суд на спикера парламента. ИА Regnum, 23.04.2007.

тельно создания общего государства с Молдовой. В партийной программе «Обновления» также как и в официальном дискурсе осуждаются действия Кишинева по восстановлению своей таможенной юрисдикции над приднестровским экспортом, однако слово «независимость» не звучит как базовый приоритет политической деятельности. «Блокада» воспринимается как мотив для модернизации политической системы Приднестровья, как преходящее явление, на фоне которого нужно задумываться в первую очередь о будущем людей, которые «устали жить в постоянном напряжении и хотят спокойствия и перемен к лучшему»⁷.

К тому же не без оснований наблюдатели связывают деятельность этой партии с финансово-промышленной группой «Шериф», которая имеет свои бизнес-интересы и в Молдове (примечательно, что сайт этой ФПГ имеет расширение .md). Сам Шевчук, как гласит его официальная биография, работал в руководящем звене «Шерифа» (в должности заместителя директора по Рыбницкому району), а также связанном с ним ПРАК «Агропромбанк».

Приоритетом для приднестровских экономических агентов, прежде всего таких крупных как «Шериф», является налаживание стабильных условий внешнеэкономической деятельности без ущемлений со стороны таможенных и налоговых органов Молдовы. Залог этого - нормализация отношений с Молдовой, поэтому конструктивность и прагматизм – это важные черты политического образа Е. Шевчука в отношении к Молдове и инициативам ее руководства.

Прагматизм «Обновления» однако не отменяет реальности того, что Приднестровье обладает с даты первых протестов 1989-1990 гг. политической субъектностью, масштабы которой, несмотря на непризнанность, не уступают молдавской. Эта субъектность подразумевает определенный консенсус среди элиты и населения Приднестровья относительно базовых принципов приднестровского урегулирования.

В своем докладе, который Е. Шевчук планировал сделать на лондонской конференции «Приднестровье: взгляд с двух берегов», спикер приднестровского парламента охарактеризовал ситуацию в молдо-приднестровских отношениях в том ключе, что Республика Молдова, игнорируя накопленный мировым сообществом опыт политического урегулирования, продолжает вести прерывистый диалог с позиции «слабый» – «сильный», придерживается политики шантажа, легко уходя и от собственных заявлений, и от двусторонних и многосторонних договоренностей. Особенно это проявляется, констатировал Е. Шевчук, в области регулирования внешнеэкономической деятельности ПМР. Также спикер поставил важные вопросы об отсутствии в Молдове правового государства, об особенностях ее политической системы, при которых отсутствуют четкие гарантии политических, экономических и социальных прав⁸. Непредсказуемость молдавской стороны, по мнению Шевчука, является главной проблемой на пути достижения окончательного урегулирования молдо-приднестровского конфликта.

При этом лидер «Обновления» придерживается того мнения, что в своих действиях Приднестровью следует исходить из того, что ни одно государство, в том числе т.н. страны-гаранты Россия и Украина, не поддерживает идею приднестровской независимости, поэтому нормализация отношений с Молдовой состоятельна и в рамках иного варианта реализации права на самоопределение. Однако для того чтобы появились успехи на пути урегулирования, в первую очередь должны быть инициированы меры доверия со стороны Кишинева, радикально изменены его подходы к урегулированию, которые базируются на идее об автономии Приднестровья в рамках унитарной Молдовы⁹.

В итоге ставка И. Смирнова на независимость лишь усиливается в контексте соперничества с Е. Шевчуком. Дело в том, что важным фактором политических процессов в Приднестровье является на данный момент поддержка Россией того или иного кандидата на выборах президента республики. При этом сама Россия, стремясь достичь окончательного урегулирования конфликта без вмешательства Запада, склонна вести диалог как со Смирновым, так и с Шевчуком. Целям Москвы отвечает скорее Шевчук, который не сжигает мосты в разговоре с Кишиневом. На фоне

7 Программа Республиканской партии «Обновление» // www.obnovlenie.info/text.php?cat=14.

8 Доклад Председателя Верховного Совета Приднестровской Молдавской Республики Шевчука Е.В. для конференции «Приднестровье: взгляд с двух берегов», Великобритания, г. Лондон. «Через референдум к выборам, через выборы к стабильности», 24 мая 2006 // www.nr2.ru/68636.html.

9 «Нам очень ценно общение с представителями СМИ, которые интересуются тем, что происходит в Приднестровье», - Евгений Шевчук. Новости Верховного Совета, 03.10.2008 // www.vspmr.org/News/?ID=2255.

этого идея о приднестровской независимости выступает частью сокращающегося политического капитала И. Смирнова.

Также частью этой политической игры является лозунг «Вместе с Россией», который был прописан в вопросе, поставленном перед населением на референдуме 2006 г. Укоренить идею независимости саму по себе в массах – достаточно сложная задача, однако добиться общественной поддержки можно, заявляя, что независимость – это путь к более тесным политическим и гуманитарным связям с Россией, на которую многие приднестровцы возлагают надежды в плане обеспечения будущего своего региона.

Попытаемся теперь ответить на вопрос, каковы перспективы рассмотрения приднестровской идентичности в рамках модернистской научной парадигмы.

Изучая причины приднестровского конфликта, Миссия СБСЕ в своем докладе, составленном в 1993 г., пришла к выводу о том, что в Приднестровье имеется собственное *чувство идентичности*. Его нельзя сводить к этническому феномену, так как оно разделяется как славянским, так и молдавским населением Приднестровья. Во многом идентичность приднестровцев базируется на лингвистической основе, так как именно нежелание по большей части русифицированного Приднестровья переходить на молдавский язык, переведенный на латинскую графику, послужило мобилизующим фактором протеста широких масс населения Левобережья. Также идентичность Приднестровья, по мнению экспертов Миссии, связана с особенностями региональной истории¹⁰.

Не менее важным фактором лояльности приднестровцев по отношению к своим властям остается коллективная историческая память, которая возникла в ходе кровопролитных событий 1990-1992 гг.

Специфическая приднестровская идентичность, несомненно, подпитывается и убеждением части жителей Приднестровья, особенно пожилых, что его экономическое положение лучше, чем в Молдове, поскольку пенсии и зарплаты, сколь бы низки они ни были, выплачиваются вовремя, сохраняется большая часть рабочих мест, жилье и коммунальные услуги по-прежнему дотируются из государственного бюджета. По результатам опроса, проведенного в апреле 2000 г. по обеим берегам Днестра экспертами Н. Бабилунгой, Л. Друмя, В. Колосовым и Д. Зайцем, 47,4% приднестровцев уверены, что ситуация в ПМР лучше или намного лучше, чем в Республике Молдова, при том что 79,1% оценивают ее как плохую или очень плохую¹¹.

Действительно, если сравнивать уровень жизни населения Молдовы и Приднестровья, то выясняются относительные преимущества Левобережья. Возьмем за показатели уровня жизни работающего и неработающего населения отношение среднемесячной начисленной заработной платы и среднемесячной назначенной пенсии к уровню прожиточного минимума.

	ПМР ¹	Республика Молдова ²
Средний уровень з/п к прожиточному минимуму, 2007 г., в %	292,3	187,9
Средний уровень пенсии к прожиточному минимуму, 2007 г., в %	102,6	48,5

В результате расчетов получается, что необходимые товары и услуги полностью доступны приднестровскому пенсионеру, тогда как пенсии молдавского пенсионера едва хватает на приобретение половины от прожиточного минимума.

Суммируя лингвистическую, социально-экономическую, историческую мотивацию приднестровцев к ощущению собственного «Я», можно прийти к выводу, что приднестровская идентичность имеет по большей части негативную природу, т.е. основана в первую очередь на отрицании социальной практики «Другого», в данном случае Молдовы.

10 Report № 13 by the CSCE Mission to Moldova, 13 November 1993 // www.osce.org/documents/html/pdf/html/454_en.pdf.html.

11 Колосов В., Заяц Д. Приднестровский конфликт: сражение идентичностей // НГ – Содружество. 2001. №6.

Это косвенно подтверждают и данные других социологических опросов. Еще в конце 1997 г. тираспольский центр «Стратегия» провел опрос 1200 жителей города по ряду важных проблем общественно-политической жизни. Среди основных его результатов авторы констатируют, что уникальную общность в приднестровском народе признают лишь 44 % населения Левобережья¹². Стоит отметить, что опрос проводился в Тирасполе, который можно с полным на то основанием назвать «русским» городом.

Таким образом, ответить на вопрос «кто мы» представляется в случае с Приднестровьем крайне сложной задачей. Как и в целом отграничить Приднестровье от Молдовы, что объясняется, по нашему мнению, двумя основными причинами.

Во-первых, население Левобережья, как показывает вышеприведенный опрос, недовольно своим социально-экономическим положением, а это не создает высокой социально-экономической мотивации для того, чтобы в политическом смысле росло осознание того, что «мы – приднестровцы». В Приднестровье велика обеспокоенность собственным уровнем жизни, особенно в связи с постоянными перепадами макроэкономических показателей. Как в Молдове, так и в Приднестровье отмечается убыль населения, вследствие того, что люди уезжают на заработки в Европу или Россию. Кризисное состояние в социально-экономической сфере признает и приднестровское руководство.

Во-вторых, в приднестровско-молдавских отношениях отсутствует такая основа для консолидации идентичности Приднестровья как межэтническая рознь. Между двумя берегами существует большое количество социальных контактов, вряд ли можно проследить существенные различия в менталитете. Как показывает опрос 2000 г., в Молдове, несмотря на языковую политику, проводящуюся в Молдове с 1989 г., абсолютное большинство населения (62,3 %) против того, чтобы государственным и официальным языком был только румынский¹³.

Нельзя говорить, что приднестровская идентичность отличается от некоей молдавской идентичности. Ведь единое молдавское самосознание до сих пор так и не сложилось. Не утихают баталии между «униатами», выступающими за воссоединение с Румынией, и «молдавенистами». Несмотря на политику Народного Фронта Молдовы в начале 90-х гг., вряд ли можно говорить о Молдове как об этнократическом государстве, хотя нестабильность политической системы, неразвитость политической культуры крайне затрудняют воссоединение двух берегов Днестра.

Не следует так же забывать о том, что треть населения Приднестровья составляют молдаване, среди которых сама идея образования Приднестровской Молдавской Республики не пользовалась большой популярностью в 1990-1991 гг. Это одна из причин того, что Приднестровье получило именно такое официальное название, с целью придать образуемому государству дополнительной легитимности в глазах этнических молдаван.

Обычно в качестве основы различий Приднестровья и Молдовы приводят политический фактор. Действительно, внешнеполитическая ориентация населения Молдовы в основном «проевропейская», с настороженным отношением к России как к бывшей метрополии, играющей сомнительную роль в приднестровском конфликте. В Приднестровье, наоборот, к России, как показывают результаты референдума 2006 г., доминирует положительное отношение. В обоих случаях это является важной частью самосознания, поддерживаемой политической элитой. Однако, можно ли считать (внешне)политическую ориентацию основой для полного размежевания, сказать сложно, так как есть множество примеров, когда позиции одного из регионов страны в политическом отношении далеко не полностью идентичны позициям центрального правительства (пограничные регионы России, Татарстан, многие европейские регионы, например, федеральные земли ФРГ).

Подводя итог размышлениям о феномене приднестровской идентичности, можно прийти к некоторым существенным выводам.

Приднестровскую идентичность можно рассматривать как классическую региональную идентичность, подчеркивающую определенные особенности Приднестровья - лингвистические, исторические. Однако при отсутствии межэтнического противостояния, при наличии неразорванных социальных связей между правым и левым берегом Днестра, при том что главной проблемой населения, как Приднестровья, так и Молдовы, считает свое как минимум не улучшающееся

12 Государственность Приднестровья: история и современность. Тирасполь: Полиграфист, 2007. С. 139-144.

13 Колосов В., Заяц Д. Указ. соч.

социально-экономическое положение, отграничение приднестровского «Я» от молдавского «Другого» остается в политическом плане незавершенным делом.

Анализ политического ландшафта Приднестровья показывает, что там присутствуют политические силы, которые в существующих международно-политических условиях готовы к прагматичному диалогу с Молдовой. Однако действия самой Молдовы являются существенной причиной того, что данная возможность остается невостребованной. Это дает дополнительные аргументы сегодняшнему политическому режиму в Приднестровье, для которого приднестровская независимость и идентичность уже давно стали инструментом собственного выживания.

SUMMARY

The author reflects on the phenomena of Transnistrian identity using the modernist and postmodernist paradigm of social science. The main idea is to find out where this identity is constructed by broad social practice and where it is used as a political instrument.